В.Б. КОШАЕВ

Профессор, доктор искусствоведения, профессор кафедры истории и теории декоративного искусства и дизайна РГХПУ им. С.Г. Строганова, профессор кафедры семиотики и общей теории искусства МГУ им. М.В. Ломоносова
e-mail: koshaev@gmail.com

V.B. KOSHAEV

Doctor of arts, professor department «History and theory of decorative arts and design» of the Russian State Stroganov University of Design and Applied Arts, professor Department «Semiotics and General Theory of Art», Lomonosov Moscow State University
e-mail: koshaev@gmail.com

DOI: 10.37485/1997-4663_2026_2_1_464_478

РЕЦЕНЗИЯ НА АЛЬБОМ ПО РУССКОМУ ДЕРЕВЯННОМУ ЗОДЧЕСТВУ УИЛЬЯМА БРУМФИЛДА «ОТ ЛЕСА ДО СТЕПИ: РУССКОЕ ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО»

REVIEW WILLIAM BRUMFIELD'S BOOK ON RUSSIAN WOODEN ARCHITECTURE, «FROM FOREST TO STEPPE: THE RUSSIAN ART OF BUILDING IN WOOD»

Альбом под общим названием «От леса до степи: русское деревянное зодчество» — это фундаментальный труд автора Уильяма Брумфилда, содержащий более 400 цветных фотографий и представленный в двух разделах с пояснениями по главам и охватывающий деревянную архитектуру от Русского Севера до Сибири. В структуру работы включен общий указатель.

The album, titled "From Forest to Steppe: Russian Wooden Architecture," is a definitive work by author William Brumfield, containing over 400 color photographs and presented in two sections with chapter explanations, covering wooden architecture from the Russian North to Siberia. A general index is included within the structure of the work.

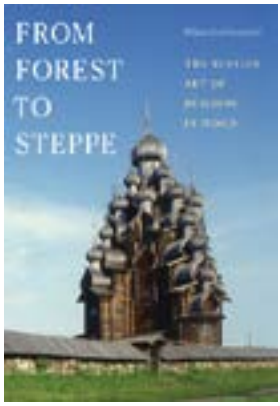
Ключевые слова: архитектурная летопись России, деревянное зодчество, народное искусство, искусство фотографии, искусствоведение и культурология, этноархитектуроведение, научный и просветительский проект.
Keywords: Architectural history of Russia, wooden architecture, folk art, photography, art history and cultural studies, ethnoarchitectural studies, scientific and educational project.

Прежде всего следует сказать, что жанр произведения весьма оригинален. Следуя принципам просветительства, альбом имеет все признаки научного труда, облеченного в форму повествовательного размышления о природе уникального для мировой истории феномена русского народного зодчества. То есть общая направленность книги — это фактографическая достоверность живого материала как историко-культурного феномена и как очень важного научного источника. При этом многие произведения уже исчезли со страниц архитектурной деревянной летописи России, о чем автор глубоко сожалеет. И в общем виде это род энциклопедии в весьма масштабном географическом охвате объекта исследования.

Представленный материал уникален. Он представляет собой несколько сотен фотографий объектов деревянного зодчества, отобранных из многих тысяч весьма профессионально выполненных кадров. При этом справедливо, что к ряду великих достижений автор относит и жилые, и хозяйственные комплексы. Только, пожалуй, Валерий Павлович Орфинский, создавший школу изучения деревянного зодчества в Петрозаводске в филиале Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН) и посвятивший свою жизнь созданию нового научного направления — «этноархитектуроведение» (я подтверждаю, что это именно так — для легкости проверки можно забить в гугл В.П. Орфинский этноархитектуроведение) в части изучения и сохранения народного деревянного зодчества Русского Севера, хорошо и системно понимал масштаб и роль знания о природе бытовой деревянной архитектурной среды.

В других регионах профессиональный глаз исследователя архитекторы или искусствоведа выхватывает для изучения объекты, выделяющиеся стилистической спецификой либо в теме узорочья, либо усадебным изыскам купеческого и дворянского сословья, интересом к обустройству среды зажиточного населения. Автор рецензии сам изучал этот вопрос на материале традиционного жилища народов Западного Приуралья и хоро-

шо знаком с общей тенденцией искусствоведения, в которой не принято именовать высокими эпитетами деревянный дом.

К чести Уильяма Брумфилда, ему удалось нарисовать общую поистине живописную панораму темы и внести огромный вклад в характеристику фрагментов и частей этого художественного полотна.

Труд важен тем, что он охватывает всю пространственную географическую, ландшафтную панораму деревянного храмо- и домостроительства на просторах России, и в нем для читателя весьма ярко проявлена возможность почувствовать состояние объекта в разных географических зонах, ландшафтной красоте и национальных оттенках.

Таким образом, книга-альбом показывает блестящее владение автором материалами, которые он собрал за несколько десятков лет путешествий в России. И по содержанию, и фотографически материал просто замечательный в постановке кадра, в выборе освещенности, пластической выраженности, лучших состояний архитектурной и ландшафтной среды, соотнесения объекта с панорамами и перцептами пространства.

Альбом состоит из двух частей. Первая часть посвящена деревянной архитектуре, как обозначает автор (высокой культуры), в частности, величественных летних увеселительных дворцов XVIII века, таких как Кусково (?) и Останкино, загородных резиденций Шереметевых в пригородах Москвы. В основе их лежали прочные бревенчатые постройки, искусно обработанные под неоклассическую каменную кладку. Хотя их обычно не считают бревенчатыми, эти внушительные памятники являются, как справедливо пишет автор, одними из самых ранних сохранившихся в России бревенчатых жилищ. Автор также в качестве показательного культурного события включил в альбом «недавнюю реконструкцию величественного, просторного деревянного дворца, первоначально построенного в XVII веке для царя Алексея Михайловича в царском имении Коломенское» (с. 16).

Также Уильям Брумфилд приводит справедливые сведения, что еще с XII века русские монархи предпочитали жить в деревянных домах и что бревна обладали свойствами, смягчающими воздействие экстремальных холодов. «Есть что-то успокаивающее в аромате, в прикоснове-

нии теплого бревенчатого интерьера посреди снежной бури» (с. 8). Автор обращает внимание на две «основополагающие усадьбы» — Абрамцево и Талашкино, ставшие культурными лабораториями для изучения, сохранения и расширения русских народных традиций в художественной культуре, как высоких, так и низких, светских и сакральных. Здесь «ирония опирается на иронию». Очень точно автор отмечает, что «обе усадьбы содержались на состояния, нажитые благодаря бурной индустриализации России, которая поставила под угрозу экономическую жизнеспособность ремесленных мастерских. Более того, местные жители, всё больше отказывавшиеся от сельских обычаев, поощрялись — и даже обучались — народным ремёслам, связанным с сельским образом жизни. А в Талашкино была предпринята яркая попытка переосмыслить традиционный облик русского бревенчатого жилища. Такие представления были сформированы утонченной, вестернизированной, богатой элитой, которая считала аутентичность зародившейся в сельской (крестьянской) культуре» (с. 15).

Слово вестернизированный здесь относится к вкусам элиты, и это отчасти справедливо. Но если говорить о контексте русского модерна, то в русском варианте стиль восходит не к европейскому модерну, а он зародился именно как русское узорочье, взятое из орнаментов древнерусских и греко-византийских заставок церковных книг, лепного декора церквей во Владимире, Суздале и Софии Новгородской. То есть начало этого стилистического движения русское, так как его формирование пришлось на 60–70-е годы, когда Строгановская рисовальная школа в России, которую учредил граф С.Г. Строганов в 1825 году и которой в 2025 году исполнилось 200 лет, обрела более высокий статус Училища рисования в бытность директорства В.И. Бутовского (с 1860 г.), написавшего несколько книг: «Строгановский иконописный лицевой подлинник» (М., 1866), «История русского орнамента с X по XVI столетие по древним рукописям (Художественно-промышленный Музей в Москве)» (М., 1870). «О приложении эстетического образования к промышленности в Европе и в России в особенности» (СПб., 1870) и др.

В частности, «История русского орнамента…» была в 1867 году оценена серебряной медалью на Всемирной выставке в Праге, а в 1900 году в Париже за успехи в специальном художественном образовании училище получило два Grand prix, серебряные и бронзовые медали за проекты и изделия, за «украшения публичных зданий и жилищ». Успех сопутствовал Строгановскому училищу и на промышленной выставка в Турине (1911): «Гран-при», почетный диплом за изделия из драгоцен-

ных металлов и др. Альбом «История русского орнамента» стал первым научным исследованием, подготовленном на основе этнографических и археологических экспедиций, зарисовок древнерусского орнамента и в определенной мере повлиявший на общий для Европы и России интерес к романтической стилистике модерна.

Уильям Брумфилд провел много времени в России только этим можно объяснить его слова, весьма пронзительные в следующем фрагменте текста:

…«Деревянная архитектура России — это творение, находящееся в состоянии противоречия с самим собой. Миф о деревянной архитектуре как чистейшем выражении русского национального гения — миф, который я принимаю — сталкивается с реальностью бегства и забвения. Веками русские жили в деревянных постройках, от самых маленьких деревень до крупнейших городов. Даже в середине XX века значительная часть населения России, включая татар, бурят, якутов, эвенков и многие другие этнические группы на территории, примерно эквивалентной современной Российской Федерации, жила в деревянных жилищах» (с. 1).

Так начинается текст альбома по деревянному зодчеству России, в котором автор — мыслитель, путешественник, фотограф, ученый, тонкий ценитель природной и архитектурной красоты и современник урбанизированного XX века, к своему 80-летию создал уникальный и ни с чем не сравнимый глубоко личный «документ» времени о последних 70 годах современной истории деревянного зодчества в России, прочесть который вместе с ним не только большая честь, но и тихое упоительное счастье, потому что каждый фрагмент текста содержит и мгновение радости, и вздох грусти, которые сродственны тому, как это прочувствовал автор за семьдесят лет наблюдений, размышлений, фотофиксации суверенной страницы искусства России — деревянного храмового зодчества. Обстоятельное изложение деталей своего в полной мере научного труда, наделенного достоверностью архитектурных оценок и в значительной степени этнографическим понимания места, времени, природного пейзажа, деталей путешествия по удаленным от городского пространства землям с их этническими и человеческими характерами, выдает в авторе высокий по своему лирическому звучанию слог и дух романтика нашего времени.

Иными обстоятельствами невозможно объяснить интерес автора к уходящей истории деревянной России в том виде, в каком зодчество представлено в альбоме.

В мире ничего подобного русскому деревянному узорочному феномену нет. И альбом как бесценное свидетельство художественного наследия в деревянных артефактах, многие из которых уже исчезли, сломаны, сгорели, и только некоторые, как отмечает Уильям Брумфилд, превращены в музеи, и есть надежда на их сохранение для будущего.

Вторая часть альбома представляет собой обширный обзор традиционной народной архитектуры, в которой проживала большая часть населения России, и она представлена в географическом порядке. В ходе исследования интригующих взаимосвязей сельских традиций и городской интерпретации автору удалось по его замыслу выявить заметные различия в конструкции деревенской избы и городского деревянного жилища, которое приобрело определенную стандартизацию форм, начиная с реформ Петра Великого. Пётр и его императорские преемники периодически предпринимали кампании по приданию русским городам подобия упорядоченного, «цивилизованного» облика, в первую очередь, применяя некоторые минимальные черты неоклассической архитектуры. С этой целью они поощряли кирпичное строительство (отчасти для смягчения последствий пожаров, периодически охвативших русские города) и обнародовали проекты стандартизированного проектирования городских зданий.

Начиная с первой главы второй части, рассматриваются бревенчатые дома и церкви Русского Севера (Архангельской и Вологодской губерний, а также Карелии). Отличительной чертой северной деревянной архитектуры, как светской, так и сакральной, автор считает огромные размеры жилищ и церквей. Этот непревзойденный масштаб, по его мнению, объясняется относительным процветанием свободных крестьянских хозяйств на севере (где крепостное право было редкостью) и исключительно суровым зимним климатом, который привел к созданию достаточно больших построек, чтобы вместить все под одной крышей — большие семьи, скот, фураж, запасы продовольствия и орудия труда. Рост провинциальных городов, таких как Вологда и Архангельск, создал свою собственную форму деревянного жилища для купцов, ремесленников и чиновников всех рангов (чиновников); но в основе этих домов также лежали бревенчатые конструкции.

Возможно, здесь автору следовало уточнить, что северные строения выполнялись еще в условиях длительной и холодной зимы, и тип северного жилища являл собой то, что в научной русской литературе

именуется как «Дом-двор». Огромный объем жилого и хозяйственного пространства в виде соединенных между собой камер позволял во-первых укреплению семейных отношений, и в этом смысле реализовано общинное сознание русского человека, и в доме уживались несколько поколений семей. Такой тип оптимально соответствовал защите от холода домашних животных, удобному размещению хозяйственных построек, сеновала, мастерских на часто двух этажах задней части двора.

Вторая глава второй части «Хартленд», или центральная часть Европейской России, описывает территорию, простирающуюся от Новгорода на северо-западе до Казани и Самары на Волге. На этом огромном пространстве наблюдается общее уменьшение размеров сельской избы, по сравнению с Севером. В густонаселенных городских районах созданы новые варианты городского деревянного жилья: для отдельных семей и многоквартирные дома. Здесь было бы уместно сказать о том, что, по мере изменения климата к югу, дом изменяется в плане и структуре домашнего хозяйства.

Третья глава переносит нас в Уральские горы, из Европы в Азию, и в долготе — от северных районов огромной Пермской области до южных окраин Челябинской области, граничащей с Казахстаном. Это очень справедливое понимание феномена в его пространственной характеристике.

И самому большому по географическому охвату пространству посвящена четвертая глава. В Сибири, которую автор обозначил простирающейся от первых русских поселений в бассейне реки Иртыш до замечательных купеческих домов Томска и Иркутска. Для их характеристики автор использует термин «плотницкая готика» (с. 20). Этим термином, в частности, он характеризует томские особняках, которые принадлежали, как он пишет, сибирским татарским купцам.

Здесь вопрос не только и не столько о вкусах собственника, среди которых были необязательно купцы, сколько о профессиональном аспекте проектирования, для чего важно было иметь представление о разнообразных архитектурных стилях: классицизме, эклектике, модерне. Среди архитекторов томского деревянного зодчества, отмеченного высоким профессиональным уровнем его создателей, многие получили образование в престижных учебных заведениях Москвы и Санкт-Петербурга и творчески перенесли столичные архитектурные стили в сибирскую архитектуру. Например, по проектам Андрея Дмитриевича Крячкова — гражданского инженера и архитектора, было построено множество зданий в Томске, включая его собственный дом (пр. Кирова, 7); Викен-

тий Флорентинович Оржешко — архитектор, классный художник I степени, один из пионеров стиля модерн в Томске. Он проектировал здания, многие из которых отличаются богатым деревянным декором; Станислав Викентьевич Хомич — инженер-архитектор, автор проекта «Изумрудного дома» (особняк на ул. Белинского, 19) в узорочном стиле; Ф.Ф. Гут — гражданский инженер, связанный с томским деревянным зодчеством.

За озером Байкал обзор перемещается на Дальний Восток, который, как отмечает автор, «некоторые вольно считают частью Сибири» (с. 18). Дореволюционная купеческая культура строительства особняков, отражена в стиле модерн, что имеет, скажем так, определенное основание в связи с модой на упругие элементы внешнего оформления, но также проявленные в конструкции архитектурных объемов.

В текстах, посвященных деревянным святилищам в буддийских ламаистских монастырях Забайкалья и сохранившихся бревенчатых юртах коренных народов в том же районе автор справедливо отмечает многокультурный, многоаспектный характер деревянной архитектуры.

Особый интерес представляют деревянные постройки в зоне вечной мерзлоты Саха-Якутии, в столице которой, Якутске, на реке Лена, на момент пребывания автора в конце мая 2002 года, сохранилось множество дореволюционных деревянных построек. Автор справедливо отмечает, что изменение климата — не единственная угроза сохранению памятников архитектуры в Якутске и многих других местах Российской Федерации. 26 мая он сфотографировал последнюю сохранившуюся бревенчатую башню Якутской крепости (острога) конца XVII века. Три месяца спустя, 22 августа, башня сгорела дотла во время необычайно жаркого лета. И сделанные фотографии — это последнее документальное подтверждение масштабного и уникального памятника истории российского продвижения к Тихому океану. Это далеко не единственный случай утраты исторических деревянных построек.

Уильям Брумфилд признается, что вначале фактически он изучал и документировал русскую архитектуру, в первую очередь, из камня и кирпича, от церквей XI века до офисных башен XXI века. Но деревянные конструкции всегда были в поле его зрения, и их история нашла отражение в нескольких его книгах. Теперь, отмечает автор, «пришло время поместить их в центр, обобщить опыт многолетних полевых работ и тысяч сфотографированных мест, проследить путь, соединяющий амбары и мельницы, дома и церкви на Крайнем Севере с буддийскими святилища-

ми в Забайкалье и элегантными дворцами XVIII века на окраинах Москвы — и всё это, по сути, бревенчатые постройки. Хотя имена строителей редко известны, их изобретательность и творческий подход стали неотъемлемой частью наследия страны» (с. 1).

Прекрасное намерение, великолепно исполненное.

Позволим себе небольшое отступление в отношении замечательных иллюстраций каменной архитектуры автора, опубликованных в предыдущих альбомах. Понятно, что камень прочнее дерева и надежнее. При этом каменный храм как идея Божиего Мира-Космоса, оформлена часто комарно-плоскостными арочными фигурами на фасадах, которые знаменуют сотворенный мир (?). Комара — арочная зона — это место Бога, а плоское прямоугольное продолжение внизу — сотворенные океан и земля. Такие комарно-плоскостные элементы, как правило их три, и центральная чаще приподнята, не только радуют глаз на фронтальном и боковых фасадах возвышенной и даже взволнованной приподнятостью и легкостью формы — они знаменуют христологический догмат Троицы. И вся храмовая композиция устремлена в Небо-Космос-Мироздание.

То же преследует, но немного иначе и деревянная архитектура, в которой есть отличие от архитектоники каменного сооружения. Дерево позволяет создавать необычайно усложненные архитектонические фигуры и фактуры. Камень легче сохранить и в нем очевидна та специфическая эстетика, которая связана идеей крестовокупольного храма в его греко-византийском напоминании, но часто и кубоватого объема основного архитектурного тела, который, кстати, перекочевал в русский камень из прямоугольного деревянного сруба и стал преимущественным для России пониманием Тела Храма как Дома. И в камне, и в дереве конструкция антропоморфна. Так антропоморфна Вселенная, как ее понимает русский человек. Тонким божественно-утонченным шеям-барабанам вторят небесные светила-главки — маковки однокупольных или многокупольных церквей. Но может быть и наоборот, когда могучий ворот-барабан, накрытый шлемом-куполом воина, создают удивительно красивый объем. Церковь предстает вертикальной доминантой в природной необъятности, распростертой от горизонта до горизонта. Храма и монастыри, которые появляются в поле зрения путешественника, часто белоснежные, есть своего рода образ пасхальный.

Кубоватость проявляется и в деревянной усадебной архитектуре, и чтобы превратить крестьянский дом в усадьбу-дворец, достаточно на фасаде создать некий портик из колонн, а светелку превратить в мезонин.

Еще можно отметить тот факт, что предыдущие альбомы уникальны осознанием и следованием исторической реакции на коллекцию фотографий начала XX века, созданных фотографом и химиком Сергеем Михайловичем Прокудиным-Горским, основная часть которых находится в Библиотеке Конгресса США. И эта современная проекция искушенного взгляда Уильяма Брумфилда удивительна по пластическому решению – масштабу и пространственным ракурсам, которые твердо и надежно он фиксирует в кадре, сохраняя так пластическую цельность исторического феномена, максимально близкого оригиналам Прокудина-Горского начала XX века.

Очень проникновенны размышления путешественника Уильяма Брумфилда среды, которую он зафиксировал в своих экспедициях, претерпевшую ужасные страницы «русской реконкисты» — атеизма по отношению к собственной культуре, когда отрицанием духовной полноты в ее божественном значении жизни он отвоевывал себе право на разрушение истории и уникальных достижений российской культуры как факта антропоцентризма.

Это желание автора вовсе не случайно, так как народы России, говорящие на почти 300 языках, создали особые варианты жилого деревянного пространства. Важно отметить, что, с одной стороны, в культуре каждого этноса существует определенная аутентичность формы в специфике ее черт, связанных с древнейшими формами предметной среды в условиях гор, леса, кочевого уклада и др. Но с другой — русский пласт деревянного, а потом и каменного архитектурного наследия, сформированный в технологиях пашенного земледелия, соответственно типа социо-технологического уклада, оказал настолько мощное влияние, что в соединении аутентичных и цивилизационных черт сформировалось удивительное и уникальное разнообразие форм древесных сооружений — и жилых, и сакральных.

Также мне показалось, что, несмотря на некоторую строгость в оценке феномена деревянного зодчества, нельзя не заметить, что каждая страница альбома есть своего рода признание в любви к русской архитектуре. И любовь очевидно не случайна, так как познанию архитектурного искусства автор посвятил едва ли не две третьих своей жизни, впитав необъятное пространственные впечатления Русского Севера и Юга, Центральной части европейской России, Восточной и Западной Сибири, Алтайского края, Дальнего Востока, ледяного Севера Сибири. Они стали откровением для удивительного американского исследователя русской культуры, но, пожалуй, что уже и души.

На чем это основано? Это очень любопытно. Понимание автором деревянной архитектуры вполне рационально: «...за полвека, которые я путешествовал и фотографировал на территории от Белого до Японского моря, огромные массивы деревянных построек были снесены (в городах) или заброшены (в деревнях). Тому есть множество причин: демографические, экономические, социальные, политические, культурные, отсутствие собственности, нехватка удобств, финансовых ресурсов, страх перед пожарами, городское регулирование и реконструкция. Эта книга не основана на наборах данных, но на протяжении всей книги фотографии и текст иллюстрируют простой факт: при наличии выбора большинство россиян не могут быстро покинуть деревянную среду обитания. За редкими исключениями, стремление сохранить жизнеспособную форму деревянной среды обитания в городских районах звучит неискренне. Гораздо проще, особенно для семей, переехать в каменное (кирпичное, каменное, железобетонное) здание, пусть и безликое, но с удобствами, которых требует современная жизнь» (с. 1, 2). Но рацио не может скрыть сожаления автора о неизбежности происходящих изменений.

Эта сдержанная оценка в своей откровенности выдает авторское желание сообщить тем, кто находится внутри культуры, что забвение истории может привести к исчезновению нации.

Но эпохальный труд Уильяма Брумфилда надо назвать не просто Альбомом-размышлением, но Альбомом Надежды. Тут звучат и другие ноты. Он описывает бескрайние российские просторы. Порой автор описывает иронически бытовые сюжеты, что придает некоторую остроту моментов путешествия и ощущение причастности к культуре, масштаб которой просто огромен. Это оттеняет его мысль о великолепно сработанных бревенчатых усадьбах с амбарами, банями и мельницами, деревянных святилищах — от небольших лесных часовен до высоких многокупольных церквей, которые были лишь малой частью тех, что существовали даже столетие назад. Что многие заброшенные храмы были вновь открыты для богослужений на территории музеев. Что много новых деревянных церквей построено в пригородах – «относительно недорогой способ расширить церковное присутствие и одновременно воссоздать ауру культурных традиций... Но ... истоки этих традиций быстро исчезают на своих первоначальных местах» (с. 2).

Важнейшим обстоятельством текста является хорошее знание технологии срубного жилища, информация о том, когда появляется пиле-

ная доска, как это связано с противостоянием суровому континентальному климату, с достатком семьи, с утратой жилищ и храмов в связи с пожарами.

Уильям Брумфилд затронул щемящее предание и моей семьи, и еще бабушка рассказывала о частых пожарах в конце XIX — начале XX века, так как, чтобы вспыхнула соломенная крыша достаточно было случайной искры — семья горела на ее памяти дважды. Сгорела бы и в третий раз, но после очередного строительства два дома были обнесены иконой (крестным знамением) и, хотя село снова сгорело, но эти два дома, стояли посреди сельского пепелища нетронутыми. Бабушке в этот год было 7 лет, и это уже память без аберраций. И Брумфилд совершенно прав, когда отмечает, что разрушенный или сгоревший храм и дом всегда можно было быстро восстановить. Но важно добавить, что несчастье одной семьи всегда понималось как беда всей общины, всего села, и дом или храм можно было отстроить меньше чем за неделю, а то и за 2–3 дня. Надо видеть тот духоподьем и веселье, которые обычно сопровождали новостройку, а затем общинную братчину, в чем удалось поучаствовать и автору рецензии.

Весьма справедливо и очень важно то обстоятельство, что сохранение деревянного домостроительства в послевоенные годы, когда национальная идентичность заняла видное место «в сталинской идеологии во время и сразу после Второй мировой войны, и государство на разных уровнях начало пропагандировать концепцию сохранения деревянных архитектурных памятников, как светских, так и сакральных, как достойного выражения «русской идентичности» (с. 6). Примером взяты Кижи, которые в 1945 году объявлены государственным заповедником. Создание музеев под открытым небом, посвященных деревянной архитектуре, набрало силу с принятием 30 января 1964 года государственного постановления «О мерах по улучшению сохранности памятников деревянного зодчества». Об этом подробнее автор рассказывает во второй части книги.

Автор отмечает, что во второй половине XX века происходили сложные процессы строительства, и, хотя в городской застройке все еще оставались районы деревянной застройки, тенденция неумолимо шла в другом направлении в создании сборно-панельных домов.

В то же время существовали тенденции и к сохранению деревянной и даже исторически точной реставрации. Но даже там, где устанавливались правила исторического зонирования, которые предусматривали сохранение территорий с деревянными домами, тем не менее обеспечение соблюдения этих правил были слабыми. Кроме того, архи-

тектурное проектирование плохо учитывало соблюдение норм сооружений. Происходило нарушение дренажных систем и других свойств грунта. Расширение улиц приводит к повышению уровня шума, загрязнению и разрушению уязвимого фундамента. Если же их не разместить в специальной охранной зоне или на улице (например, в центре Архангельска), судьба отдельных выживших — уничтожение. Уильям Брумфилд отмечает, что сам наблюдал этот процесс непосредственно и многие деревянные дома, которые были им сфотографированы в 1980-х, 1990-х и 2000-х годах, сегодня уже не существуют.

Отдельным содержанием, наполненным личными впечатлениями, представляют описание экспедиций в отдаленные районы, «где даже гравийная дорога считается шоссе» (с. 234). До таких мест можно добраться только на прочных автомобилях с опытными водителями. Автор с благодарностью отмечает не только то, что получал помощь в дороге в связи с разрешением на съемки Министерства культуры, также российских друзей, но и незнакомых людей, которые помогали ему в его путешествиях:

Очень живо и с каким-то внутренним интересом автор рассказывает некоторые детали впечатлений в пути. Чего стоят зарисовки в зале ожидания вокзала Няндома, в 500 километрах к югу от Архангельска, на главной линии в Москву и Санкт-Петербург, что в 60 километрах от «средневекового города Каргополя» (с. 9) , где развернулась сценка с двумя мамами и двумя маленькими девочками, как захватывающей драматургической истории.

География путешествий поражает, при этом весьма интригующе автор описаны детали путешествий, например, борьба с комарами, мошкой, клещами, укусы которых имеют весьма плачевные последствия. Живой интерес у автора вызывали сведения о том, что «Один монах из монастыря Святого Антония Сийского, расположенного недалеко от реки Северная Двина, рассказал мне, что одноименный святой Антоний не убивал комаров, провозгласив: “Они тоже твари Божьи”» (с. 12).

Также весьма любопытны и справедлива информация о народных средствах защиты от комаров, например, то, что Уильям видел в Красноярском крае Сибири: полоски бересты нагревали в открытом котле на огне. Выделившуюся влагу собирали и смешивали с пастой из тухлой рыба, что эффективно и для людей, и для домашних животных. Автор приводит и некоторые сравнения о том, как например с комарами борются в южной Луизиане, и что существует множество разновидностей

комаров (более 3500 видов), и выраженность реакции на укус (опухоль, зуд) может зависеть от вида комара. Автор восхищен удивительным успехом комаров в своей эволюционной экологической нише, что являются важнейшим источником пищи для других представителей фауны: «Я до сих пор помню восторг, с каким интересом наблюдал ласточек и соловьев, влетающих в открытый проход большого бревенчатого дома в Костромской области, чтобы полакомиться комарами в полете» (с. 14).

Эти бытовые подробности, как представляется, Уильям приводит в качестве внутренней драматургической режиссуры своих размышлений. Бытовые испытания, какими бы трудными не были местные обстоятельства, оттеняют впечатления о неземной красоте храмовых сооружений.

Очень хочется надеяться, что альбом не только войдет в анналы научных трудов по истории деревянного зодчества, но станет нужным для педагогики и образования, и хочется низко поклониться человеку, отдавшему значительную часть своей жизни раскрытию духовного в материальном, обозначившего особенности сегодняшнего дня в соотношении с историей русской культуры, как основы предстоящего обновления жизни.

Примечания:

1. Выходные данные альбома: From forest to steppe. The russian art of building in wood / Text and photographs by William Craft Brumfield. — Durham: Duke university press durham and London, 2025. — 441 p.

Список литературы:

1. *Брумфилд У.К.* Чухломский край. Архитектурное наследие в фотографиях. — Москва: Три квадрата, 2016.

2. *Брумфилд У.К.* Смоленск. Архитектурное наследие в фотографиях. — Москва: Три квадрата 2014.

3. *Брумфилд У.К.* Усолье. Архитектурное наследие в фотографиях. — Москва: Три квадрата, 2012.

4. *Брумфилд У.К.* Торжок. Архитектурное наследие в фотографиях. — Москва: Три квадрата, 2010.

5. *Брумфилд У.К.* Суздаль. Архитектурное наследие в фотографиях. — Москва: Три квадрата, 2009.

6. *Брумфилд У.К.* Коломна. — Москва: Три квадрата, 2009.

7. *Брумфилд У.К.* Соловки. Архитектурное наследие в фотографиях. — Москва: Три квадрата, 2008.

8. *Брумфилд У.К.* Чита. Архитектурное наследие в фотографиях. — Москва: Три квадрата, 2008.

9. *Брумфилд У.К.* Бурятия. Архитектурное наследие в фотографиях. — Москва: Три квадрата, 2008.

10. *Брумфилд У.К.* Каргополь. Архитектурное наследие в фотографиях. — Москва: Три квадрата, 2007.

11. *Брумфилд У.К.* Соликамск. Архитектурное наследие в фотографиях. — Москва: Три квадрата, 2007.

12. *Брумфилд У.К.* Чердынь. Архитектурное наследие в фотографиях. — Москва: Три квадрата, 2007.

13. *Брумфилд У.К.* Великий Устюг. — Москва: Три квадрата, 2007.

14. *Брумфилд У.К.* Тотьма: Архитектурное наследие в фотографиях. — Москва: Три квадрата, 2005.

15. *Брумфилд У.К.* Тобольск. Архитектурное наследие в фотографиях. — Москва: Три квадрата, 2006.

16. *Брумфилд У.К.* Иркутск. Архитектурное наследие в фотографиях. — Москва: Три квадрата, 2006.

17. *Брумфилд У.К.* Вологда. 2012. — Москва: Три квадрата, 2012.

18. *Брумфилд У.К.* Белозерск. 2011. — Москва: Три квадрата, 2011.

19. *Брумфилд У.К.* Устюжна Уильям. — Москва: Три квадрата, 2010.

20. *Брумфилд У.К.* Кириллов, Ферапонтово. — Москва: Три квадрата, 2009.